

№ 9 (297). СЕНТЯБРЬ 2015

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

АРХИТЕКТОР А.В. ХОЛОПОВ. ПРОЕКТ
ДВОРЦА СПОРТА В УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ. 1919 ГОД

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Главный редактор А.Ф. Грушина

Редколлегия:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов),
А.А. Белай, В.Ф. Козлов,
В.В. Максименко,
А.С. Матросов

Художник-верстальщик:
С.В. Певцова

Редактор-корректор:
Г.Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2015

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва,
Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован
Государственным Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 012120 от 14.04.1999.

Подписано к печати 12.08.2015.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 5000 экз.
Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая Типография»:
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Материалы основных рубрик
рецензируются.

МАСТЕРА 2 Виктор Леонидович Державин
Познавший душу камня
*О талантливом выходе из народа,
каменотесе, строителе Санкт-Петербурга
С.К. Суханове (1768 – после 1840)*

СВЯЗЬ ВРЕМЕН 8 Ульяна Кирилловна Банникова
**Крымская война:
Москва — Севастополю**
*По страницам газеты
«Московские ведомости» той поры*

СВЕТ ПАМЯТИ 18 Вера Дмитриевна Ныrkова
**О «музыкальном доме»
и княжне Е.М. Шаховской**
Из воспоминаний

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ 36 Ирина Леонидовна Илясова,
Елена Павловна Антонова
Каменная летопись
*Об уникальном храме-усыпальнице
в усадьбе Суханово (Московская область)*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС 42 Диакон Алексей Дахин
**Как пытались создать
«Московский Ватикан»**
*Учреждение подворий
Поместных Православных Церквей
в московских храмах в контексте
церковно-государственных отношений
и внешней политики
Советского государства (1940-е годы)*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 50 Любовь Евгеньевна Городнова
Тамбовская вотчина Строгановых
*Об усадьбе Знаменское-Кариан
и ее владельцах*

ТРУДЫ И ДНИ 78 Николай Владимирович Вехов
Первый коми архитектор
*Жизнь и судьба архитектора и художника
А.В. Холопова (1880—1942)*

Вера Дмитриевна Ныркова

О «музыкальном доме» и княжне Е.М. Шаховской

Из воспоминаний

Вера Дмитриевна Ныркова. 1936 год

Предисловие публикатора

С автором предлагаемых читателю воспоминаний меня познакомил мой друг, работающий настройщиком музыкальных инструментов. Он сказал, что недавно был у одной женщины на Сивцевом Вражке «по причине настройки пианино», и резюмировал: «Таких людей уже не осталось...» Тогда же я узнал, что Вере Дмитриевне Нырковой давно перевалило за 90 (родилась в сентябре 1918 года) и на первый визит к ней настроился соответственно. А увидел очаровательную «музыкальную женщину». Она накрыла с виду простой стол, но котлетки с жареной картошкой, огурчики соб-

СВЕТ ПАМЯТИ

ственного засола, чай с чабрецом и с какой-то еще духовитой травой оказались так вкусны... Три с лишним часа беседы пролетели как пять минут. Вера Дмитриевна упоминала московские лица, хорошо знакомые по многочисленным мемуарам и публикациям: Николай Карлович Метнер, Александр Борисович Гольденвейзер, Александр Федорович Гедике, Владимир Владимирович Софроницкий, Ольга Фабиановна Гнесина, Мария Александровна Скрябина... Мы с другом слушали, раскрыв рты, зачарованные ее памятью и остроумием.

Сама В.Д. Ныrkова окончила в 1946 году с отличием Московскую консерваторию; в 1949-м — аспирантуру по классу фортепиано, в 1950-м защитила кандидатскую диссертацию «Вариации русских композиторов конца XVIII — начала XIX века»; по сию пору работает в музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных, пройдя путь до профессора (1988) и заведующей кафедрой фортепиано (1969—2010). Автор публикаций в сборнике «Труды ГМПИ им. Гнесиных» и других музыкальных изданиях. Организатор Пречистенских пятниц в музыкальной гостиной Камерного зала Дома ученых, с недавнего времени носящих ее имя.

Вера Дмитриевна поведала нам об одном посещении ею бывшего особняка А.И. Коншиной на Кропоткинской улице в конце 1920-х годов, когда там играл молодой талантливый пианист Владимир Софроницкий. А вообще-то наслаждаться его исполнением она с восьми-девятилетнего возраста могла и у себя дома, поскольку Софроницкий был ее соседом по квартире № 19 в доме № 4 по Калошину переулку. На концерты же девочку брала другая соседка — первая Верина учительница музыки Елена Михайловна Шаховская (1873—1942), поселившаяся здесь в 1911 году, когда значилась еще княжной. «Для затравки» Вера Дмитриевна продемонстрировала дореволюционную фотографию Е.М. Шаховской и потом потекли воспоминания, как Елена Михайловна начинала учить ее способам звукоизвлечения, правильной посадке за роялем, прочим азам. 26 октября 1941 года Вера видела ее в последний раз — «одетую в рыженькую меховую шубку, с небольшим матерчатым узелком в руках», в сопровождении специфически одетых вооруженных людей...

Княжну не первую забрали из дома № 4. Пионером этих «путешествий» выпало стать дочке шуйского купца Нине Федоровне Абрамовой (арестована 6 апреля 1935 года, отправлена на пять лет в село Агинское Саянского района Красноярского края)¹. Ее брат Владимир Федорович тоже не избежал подобной участи (арестован в марте 1935-го, «переброшен» в Чимкент)². Оба — «птенцы гнезда» Е.М. Шаховской. В середине 1930-х арестовали настройщика, регулярно навещавшегося в Калошин дом по просьбе Елены Михайловны (его отправили строить какой-то канал).

В январе 1922 года в Калошином переулке, 4, в квартире № 24 поселился Вячеслав Евгеньевич Волков — участник Первой мировой войны, подполковник. После революции он вступил в Красную армию. Преподавал курсантам 1-й командной школы имени ВЦИК, затем пошел по гражданской части — химический, медицинский институты... Задержали В.Е. Волкова 28 марта 1938 года в квартире № 23 (переехал в нее буквально накануне). Что с ним случилось — неизвестно.

Вид на Калошин переулок от Сивцева Вражка.
1913 год

Калошин переулок, дом № 4.
Современная фотография

...Дом № 4 по Калошину переулку москвичи хорошо знали с конца XVIII столетия. Он принадлежал бригадиру А.И. Калошину, фамилию которого переулок хранит поныне (назывался еще Чаадаев — по имени домовладельца 1720-х годов, «флота лейтенанта», и Евреинов — по собственнику 1760-х). К самому концу XIX века срок жизни жилищу, стоящему на этом участке, истек. На его месте архитектор Николай Дмитриевич Струков (1859 — после 1928) выстроил в 1897 году для предпринимателя, юриста, землевладельца, председателя Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского университета, преподавателя 3-й мужской гимназии Михаила Герасимовича Комиссарова (1867—1929) доходный трехэтажный корпус. Комиссаров сдавал его внаймы, но иногда устраивал там «политические посиделки»: «В начале XX века в хлебосольном доме Михаила Герасимовича в Калошином собирались выдающиеся деятели как русской либеральной политики (братья князя Петр и Павел Долгоруковы, П.Н. Милюков, Ф.Ф. Кокошкин, князь Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, М.В. Челноков, Н.М. Кишкин), так и русской культуры (например, основатели и ведущие актеры МХТ — К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, В.И. Качалов, И.М. Москвин и др.)»³.

Композитор и дирижер Николай Разумникович Кочетов (1864—1925) поселился в недавно построенном доме № 4 в 1902-м или в самом конце 1901 года и прожил здесь до 1903-го⁴. Он был знаменит в Первопрестольной тем, что в 1900—1901 годах продолжил «насаждать» серьезную музыку в Сокольниках. В симфонических концертах за дирижерским пультом стоял сам Николай Разумникович — «седоволосый, рыжебородый, высокий, румяный блондин в синей паре, с подстриженной бородкой, с галстуком и воротничком» (Андрей Белый). На них «засветились» такие корифеи оперной сцены, как М.А. Дейша-Сионицкая, А.В. Секар-Рожановский Л.В. Собинов, Ф.И. Шаляпин; дирижировали А.А. Литвинов, Е.Е. Плотников, П.И. Решетников.

Д.Р.Рогаль-Левецкий. 1950-е годы

Визитная карточка архитектора Н.Д. Струкова. 1900-е годы. РГАЛИ

Среди заметных «музыкальных людей» дома №4 назовем еще Дмитрия Романовича Рогалья-Левецкого (1898—1962), жившего в 1920-х годах в квартире № 24 (с 1930-х — в квартире №26). Он окончил Московскую консерваторию по классу арфы М.А. Корчинской (1925), трудился научным сотрудником Музыкально-этнографических курсов Института музыкальной науки (1926—1929), преподавал в Музыкальном техникуме имени Гнесиных (1921—1937). В Калошином доме Д.Р. Рогаль-Левецкий написал оркестровку «Интернационала», долгое время фактически являвшегося гимном страны. Первая редакция гимна СССР, прозвучавшая по радио в ночь на 1 января 1944 года, чем-то не понравилась Сталину. Повторную оркестровку доверили Рогаль-Левецкому. Дмитрий Романович проявил себя блестящим оркестровщиком, оказавшим влияние на развитие стиля оркестровой сюиты («Листиниана», 1932; «Скрябиниана», 1935). Съехал он из Калошина в 1938 году⁵. В конце жизни трудился над автобиографическим романом «50 лет в когтях у музыки: тягостные воспоминания о бесславно прожитой жизни»⁶, где есть страницы и о доме № 4.

Москвовед С.К. Романюк пишет: «В этом доме собирались художники, писатели, актеры, музыканты на «шмаровинские среды», названные так по фамилии коллекционер и друга многих художников В.Е. Шмаровина»⁷. Автор называет дом № 4 в числе московских адресов Владимира Егоровича Шмаровина (1847–1924), но не указывает годы, в которые тот здесь проживал. Не стоит ли проверить подлинность сведений, приводящихся на сей счет в других изданиях?

Дом № 4 в Калошином переулке в разное время был обитам не только музыкантами, но и кинематографистами (И.К. Правов — № 24), преподавателями (В.В. Сумарокова — № 17, Г.А. Шмидт — № 18), врачами (Б.П. Звонников, Р.Г. Исаева — № 15, Е. и Л. Моисеевны Куппер — № 14), инженерами (Ю.Б. Дрибинович — № 25, В.В. Алексеева — № 16), геологами (В.А. Обручев, его сыновья В.В. и С.В. Обручевы — № 18), палеонтологами (Д.В. Обручев — № 18), географами (С.С. Воскресенский — № 19), торговцами (С.Ш. Фридман — № 20), аграриями (П.П. Юшневский — № 19), работниками банков (Б.И. Шлейфер — № 23), экономистами (П.Л. Сегаль — № 20), юристами (В.А. Долицкий — № 31, Н.К. Муравьев — № 15), военными (В.Е. Волков — № 23), фармацевтами (А.Л. Тескин — № 34)...

Некоторые называют сегодняшнее здание в Калошином переулке «историческим после капитальной реконструкции». Не знаю... Это — новодел 2000 года, в котором размещается бизнес-центр «Старый Арбат»; о творении архитектора Н.Д. Струкова напоминают лишь «трехэтажность» и качественная имитация кирпичной кладки конца XIX века.

Наконец, последнее. В записях о роде Шаховских, где значится 441 человек, княжна Елена Михайловна отсутствует⁸, в поколенной росписи рода — тоже. Нет ее и в перечне репрессированных Шаховских (36 фамилий). Странный, досадный пробел, который отчасти сможет восполнить данная публикация. Воспоминания В.Д. Нырковой печатаются с небольшими сокращениями и с минимальной редакторской правкой.

Елена Михайловна Шаховская, княжна из обедневшего дворянского рода Шаховских, была незаурядной личностью. <...> Из тех, кто ее помнил, возможно, никого уже не осталось. Она научила меня бескорыстию, любви, преданности родине и профессии. Эти нравственные заветы моего воспитателя и наставника я пронесла через всю жизнь, передавая их своим воспитанникам, коих за долгие годы накопилось много. Мои записки о Елене Михайловне, о доме в Калошином переулке, в котором мы были добрыми соседями на протяжении почти двадцати лет, — благодарная дань ее памяти...

* * *

Покои, в которых жила Елена Михайловна, были просторные: три 45-метровые комнаты, ванная, туалет и две кухни с черным входом. <...> Кроме того, в квартире был 20-метровый зал с высоченным потолком. Парадный вход — со стороны переулка. Входная дверь как бы разделяла помещения на две части — в одной постоянно звучала музыка, во второй царил тишина.

Елена Михайловна выполняла роль воспитательницы детей купцов Абрамовых. Они жили в городе Шуя и отправили своих детей — Владимира, Нину и Веру — под надзором Е.М. Шаховской в Москву, чтобы те продолжили там образование. Абрамовы занимали закуток в доме № 4 в Калошином переулке в 1911 году.

В советскую бытность повзрослевшие Абрамовы переселились вместе с Еленой Михайловной в квартиру № 19, где ютились преподаватель фортепиано Вера Федоровна Абрамова, работавшая в 1-м Московском областном музыкальном училище, ее сестра Нина Федоровна, выпускница Московской консерватории по классу профессора А.Ф. Гедике, и до начала 1920-х годов — их брат Владимир Федорович, окончивший консерваторию у профессора А.Б. Гольденвейзера (вскоре он перебрался в соседний Малый Власьевский переулок).

В Москве тогда уплотняли тех, кто владел большой жилплощадью. Моим родителям власти предложили переехать в свободную пока комнату. Вход туда был через самодельный узенький коридорчик, второй стеной которого служил темно-зеленый

занавес, свисающий до полу. За ним я увидела настоящее богатство — два прекрасных рояля фирм «К. Бехштейн» и «Ю. Блютнер».

Моя мама, представив картину ежедневного хождения через проходное помещение к себе в комнату, пришла в ужас и всячески противилась переезду, чем не на шутку рассердила папу. Я отчетливо помню тот летний день, когда отец взял одной рукой венский стул, другой рукой крепко зажал мою руку, и мы втроем отправились через двор к воротам парадного подъезда, выходящим в Калошин переулок. Папа изрек: «Идем в новый дом, в котором окно глядит на светлую улицу, а не в темный дворик». Комната действительно оказалась потрясающей: 45-метровая, солнечная, с огромным итальянским окном, высоким потолком и дубовым паркетом.

Мои родители — калужане. Отец, Дмитрий Яковлевич Ныркков (1896–1964), и мама, Мария Андреевна, урожденная Чистохвалова (1898–1978), поехали перед самой революцией к родным в Сочи. Но в годы Гражданской войны (приблизительно в 1920-м) переехали в Москву. Вначале обосновались в Покровском-Стрешневе, затем переехали на Сивцев Вражек. Образование у родителей было далеко не высшее. Папа устроился электромонтером. Мама первое время трудилась воспитателем в детском саду, после стала домохозяйкой. Отец в течение ряда лет служил в Хоровом училище имени Свешникова на хозяйственных должностях. Музыка родители любили с юности: у мамы был красивый тембр голоса, а папа подыгрывал ей на мандолине. Таким образом, мое внезапное увлечение музыкой оказалось наследственным.

Сама Елена Михайловна Шаховская занимала крошечную комнату, где помещался кабинетный рояль «Л. Штюльцваге». Кроме всей прочей «ерунды», там имелись овальный столик, диванчик, комод красного дерева и маленькая железная кровать. Шкаф с одеждой и нотная библиотека (как я поняла — ее гордость) были вынесены в общий коридор, где «пропылились» все последующие годы. Моментально обнаружили и другие преимущества жилища: за таинственной занавеской — подобие музыкальной гостиной, а этажом ниже — детский сад с дальнейшим поступлением в общеобразовательную школу («хозяйкой» детсада являлась упомянутая в предисловии В.В. Сумарокова; о ней см. ниже. — **В. Б.**). Родители думали о будущем дочки,

Вера Ныркова. 1930 год

слышавшей от них ежедневно: «Учись, старайся, копи чемодан знаний».

Дом постепенно превращался в многонаселенную коммуналку. В середине 1920-х годов в списке жильцов числился 171 человек. В нашей 19-й квартире оказалось семь семей (18 человек). Наверное, многие прошедшие через коммуналку вспоминают лишь склоки и антисанитарию. А мне помнится почему-то одно хорошее. <...>

* * *

Вместе со своей воспитанницей Ниной Федоровной Абрамовой Елена Михайловна открыла в доме №4 в период нэпа музыкальные классы. <...> Выученные произведения ученики показывали на концертах с приглашением родителей и друзей. На этих вечерах исполнялись полифонические сочинения, сонаты, пьесы и — обязательно — музыкальные этюды. Вспоминаются программки, которые Елена Михайловна собственноручно подготавливала к каждому выступлению, — большие сброшюрованные тетради в цветных обложках. Они хранились в специальном бюваре и почитались большой ценностью.

СВЕТ ПАМЯТИ

Все музыкальные действа проходили в смежной комнате, моментально превращающейся в концертный зал. Детям несказанно повезло: они играли на превосходных роялях фирм «К. Бехштейн», «Ю. Блютнер», «Л. Штюрцваге». На этих инструментах музицировали не только ученики, но и взрослые исполнители. Помню игру старшей дочери А.Н. Скрябина от первого брака Елены и ее мужа Владимира Софроницкого.

Мое детство проходило в шуме музыкальной вселенной: я засыпала под звуки произведений Фредерика Шопена, Роберта Шумана, которые услышала впервые в исполнении Владимира Софроницкого. С ним и его «половиной» творческих пересечений не было, хотя мы жили в одной квартире вплоть до 1928 года. Это и понятно: я маленькая девочка, а они молодые люди, да еще и с талантом. Оба, естественно, никакого внимания на меня не обращали, разве что погладят по головке и констатируют «ученым голосом», что мне удалось недурно освоить прием звукоизвлечения стаккато...

Хорошо помню занятия Владимира Софроницкого, проходившие за стеной нашей комнаты. Он по многу раз повторял отдельные места в поисках совершенного исполнения. А как он играл «Крейслериану» и «Карнавал» Роберта Шумана или сонату b-moll Фредерика Шопена! Композитор и музыковед В.М. Богданов-Березовский

в своем очерке называет московские уголки, связанные с жизнью «великого романтика», только почему-то не упоминает дом в Калошином переулке, где Софроницкий прожил почти все — решающие для него — 1920-е годы, где проявились первые блестящие его таланты. <...>

Внешне Владимир был красивым и обаятельным человеком — высокого роста, стройным, вызывавшим искреннее восхищение окружающих (по определению пианиста Генриха Нейгауза, он был «красив, как юный Аполлон»). Я не раз наблюдала, как после концерта возле нашего дома его поджидала толпа поклонниц. Известны истории про «лемешисток» (поклонниц оперного певца Сергея Лемешева), а мне довелось еще раньше видеть «софронисток». <...>

Просыпалась я по утрам от музыкальных дивертисментов: малолетки исполняли сонаты Фрица Шпиндлера, Фридриха Кулау, Доменико Чимароза... Будучи прирожденным педагогом, Елена Михайловна не могла не обратить внимания на детей своих соседей. Малышей у нас в квартире, помнится, было трое. Со всеми она пыталась подружиться, затем приступила к занятиям с каждым из нас, утверждая, что в детстве талантливы все. Объясняла название клавишей, показывала приемы игры и так далее. Однако мальчикам вскоре надоели нудные ежедневные упражнения, и они убежали от музыки.

П.П. Кончаловский. Владимир Софроницкий за роялем. Холст, масло. 1932 год

*Э.О. Визель. Владимир Владимирович Софроницкий. 1928 год.
Мемориальный музей-квартира А.Н. Скрябина*

А мне очень хотелось научиться играть на «живом» фортепиано, а не на беззвучном венском стуле с блестящими шляпками гвоздей — «клавишами». Елена Михайловна не раз видела, как я «музицирую» на этом «инструменте». Вскоре она научила меня играть «Козлика». Ох, уж этот «Козлик»! Он пользовался неизменным успехом у слушателей, сопровождаемый звонким пением: «Жил был у бабушки...» На словах «Остались от козлика рожки да ножки» представление заканчивалось. Я быстро хватала скамеечку для ног и уходила. Такое было правило: сама скамеечку принесла, сама поставила, сама унесла. <...>

В памяти сохранились некоторые наставления Елены Михайловны при работе над «Козликом». Весь сценарий разрабатывался ею для публичных выступлений. Помимо входа и выхода со скамеечкой, мы трудились над главным — образной стороной, да еще с голосом. Я усвоила: когда козлик живет у бабушки — весело, когда его съедают — страшно, когда поется про «рожки да ножки» — жалко бабушку. Елена Михайловна позже рассказывала, что чувства «весело», «страшно» и «жалко»

я выражала в припеве («Вот как, вот как, серенький козлик»), исполняя его forte, fortissimo и piano. <...>

Она обожала классическую музыку. Среди первых — Моцарта, Гайдна, Бетховена; романтиков — Шуберта, Шумана, Шопена... Но ей была близка и музыка отечественных сочинителей. Именно Елена Михайловна привила мне любовь к Глинке, Мусоргскому, Чайковскому, Скрябину.

Довольно часто она уходила из дому, оставляя меня одну в ее комнате выполнять музыкальные задания. Возле рояля с правой стороны стоял низенький столик, по-моему, бамбуковый. На нем — вазочка с разными конфетами в красивых обертках. Я воображала, что вазочка поставлена мне в испытание, и никогда не вкушала этих вкусов. <...> Сейчас понимаю, что Елена Михайловна оставляла конфеты для послушной ученицы. Но я на них смотрела (нисколько не рисуюсь) — даже в то голодное время — как на искусный рисунок и не дотрагивалась, боясь испортить его законченность.

Не имея собственных детей, она не потеряла материнского инстинкта. И вдруг

*Е.М. Шаховская (в центре) во дворе дома № 4 с музыкальным классом.
Справа от нее — Вера Ныркова, Ирина Семенова, Эдуард Вордзяк;
сидят (справа налево): Таня Шуберт, Алик Чернявский. 1929 год*

появилась возможность заняться способным ребенком. Елена Михайловна <...> пошла на сближение с нашей семьей, начала обучать меня не только игре на фортепиано, но и музыкальной грамоте, брала изредка — на пробу — к своим друзьям — пианистке Ольге и ее сестре певице Зинаиде Монигетти, пианистке Елизавете Белостоцкой, где обкатывала мои упражнения. Никогда не бранила за неудачное выступление. Но и не хвалила. Если я хорошо исполняла пьесу, она повторяла свою обычную фразу: «Знай, что это играла я, а не ты». Поступив в школу-семилетку, я сразу прославилась тем, что, выучив под наблюдением Елены Михайловны ряд маршеобразных пьес, играла их на ежедневных линейках. Она считала необходимым каждому исполнителю иметь в своем репертуаре несколько произведений «про запас», «коронных вещей». Так у меня «в заглавнике» оказался в начале музыкального пути «Козлик», а потом пьеса Феликса Мендельсона «Листок из альбома».

Уроки я готовила на свободных роялях — то у Елены Михайловны, то у Абрамовых. Если гуляла во дворе — по первому требованию учительницы мчалась заниматься. Не как «раб на галерах», а радостно. Родители во мне души не чаяли. Все в доме было подчинено тому, чтобы меня ничто не отвлекало от занятий музыкой. <...>

* * *

Детский сад возник в нашем доме в середине 1920-х годов. Заведовала им жившая в квартире № 17 Вера Владимировна Сумарокова — человек строгий, требовательный, деловой. Принимала она только отпрысков актеров, музыкантов, композиторов, литераторов и представителей партийно-советской верхушки (например, дочь наркома иностранных дел М.М. Литвинова Таню). Принципиально не брала детей из дома в Калошином переулке — во избежание ссор между соседями. Однако почему-то сделала исключение для меня — может, не без ходатайства Елены Михайловны. <...> В садике я провела три незабываемых года. Подружилась там с детьми теоретика музыки Василия Николаевича Рукавишника, руководителя Московского филармонического оркестра Николая Семеновича Голованова, актера МХАТа Константина Михайловича Бабанина.

«Старик» Бабанин был актером еще старого Художественного театра, учеником самого К.С. Станиславского. Его семья жила в особняке недалеко от нас — в Малом Власьевском переулке, 9. Особняк принадлежал артисту В.В. Лужскому (Калужскому), сдававшему Бабаниным и их родственникам Чернятиным полдома. В семье Чернятиных рос сын Юлий, с которым дружил в юные годы будущий актер и художественный руководитель МХАТа Олег Ефремов. С дочерью К.М. Бабанина Танечкой, окончившей Театральное училище имени М.С. Щепкина, принятой во МХАТ, а после более сорока лет игравшей на сцене театра имени Вл. Маяковского, мы с шести лет стали неразлучными приятельницами на всю жизнь.

Вера Ныркова и Таня Бабанина. 1930 год

В садике нас научили писать, считать, лепить, петь песенки. Случилось так, что в группе, кроме меня, не оказалось детей, играющих на пианино. Я была нарасхват. Елена Михайловна подбирала для меня яркие вещицы, зорко следила за моим продвижением, не спешила, все делала по шажкам. <...> Из пьес мне больше всего нравились «Болезнь куклы» и «Новая кукла» П.И. Чайковского, о которых очень интересно, «живописно» говорила Елена Михайловна, разучивая их со мной.